

Михаил Ефимов

**БАРАТЫНСКИЙ
КАК ПРЕДМЕТ И СЮЖЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ
(НАБОКОВ, ХОДАСЕВИЧ, АДАМОВИЧ)**

Отклики Набокова на творчество Баратынского до сих пор не привлекали к себе специализированного внимания. Между тем, они многообразны; следы их можно обнаружить как в художественном творчестве Набокова, так и в его критическом наследии, в русских и английских текстах писателя. В нижеследующих заметках делается попытка очертить один из возможных контекстов, релевантных для темы «Баратынский в творчестве Набокова».

В своем Комментарии к «Евгению Онегину» Набоков высказался о Баратынском наиболее пространным образом и вердикт его суров. Приведем наиболее характерные «твердые суждения» Набокова: «Если в иерархии таланта существует переходная ступень между поэзией значительной и незначительной, то Евгений Баратынский (1800–1844) занимает как раз это промежуточное положение. Его элегии идеально настроены на тот самый лад, где томление сердца и пронзительность мысли соединяются, приуготовляя рождение музыки; но тут, словно угаснув за бесшумно прикрытой где-то вдалеке дверью, стих перестает пульсировать (хотя слова его все еще могут звучать) в тот самый момент, когда мы готовы отдать ему. Он хотел выразить глубокие и сложные вещи, но в полной мере ему никогда не удавалось это сделать. Пушкин относился к нему с нежностью и серьезным уважением, - тональность этого чувства уникальна в анналах

литературных симпатий великого поэта. <...> Попытки советских комментаторов сравнить его судьбу с участью Пушкина в терминах политического мученичества по меньшей мере смешны <...> Баратынскому не нравился *ЕО*, и в письме от 1832 г. он отзывается о романе как о блистательном, но юношеском подражании Байрону» (Набоков 1998: 323-324)¹. В «иерархии талантов» Баратынский, вместе с Жуковским и Батюшковым, отнесен к группе «малозначительных поэтов» (Набоков 1998: 102)².

Как видим, «Комментарий» отводит Баратынскому в русской поэзии Золотого века «безусловное второе место», освещаемое разве что уникальной «нежностью и серьезным уважением» Пушкина. Однако задолго до начала работы над «Комментарием» фигура Баратынского стала для Набокова значимой – в контексте, отличном от того, который находим в «Комментарии».

В истории русской поэзии XX в. есть поэт, чье имя вызывает устойчивые ассоциации с Баратынским. Этот поэт – В. Ходасевич. Именно он – в первую очередь как поэт («критические высказывания Ходасевича, при всей их умной стройности, были ниже его поэзии, были как-то лишены ее биения и обаяния» (Набоков 2000:590)) – почитался Набоковым истово, явно и на протяжении всей набоковской писательской биографии. Влияние Ходасевича на формирование художественного мира Набокова сомнению не подлежит³. Имя Баратынского неизбежно в разговоре о Ходасевиче. Как отмечает А. Зорин, «[и]менно его [Ходасевича – М.Е.] лирику критика тех лет, как эмигрантская, так до середины 1920-х годов и советская, чаще всего выводила из Баратынского, считавшегося родоначальником поэзии разочарования и анализа» (Зорин 1988:33)⁴. Напомним, что еще Андрей Белый писал

¹ Отметим здесь статью В.В. Розанова «Кое-что новое о Пушкине» (впервые: Новое время.1900. 21 июля. № 8763), представляющую собой отклик на статью И.Л. Щеглова «Нескромные догадки» (включена в книгу Щеглова «Нескромные догадки» (СПб.,1902)). Розанов сочувственно пишет: «В «Моцарте и Сальери» автор «Нескромных догадок» усматривает горькие воспоминания поэта о Баратынском. Материалом для его соображений послужили письма Баратынского к И.В. Киреевскому, впервые появившиеся в «Татевском Сборнике», изданном С.А. Рачинским» (Розанов 1995: 62). Далее Розанов цитирует письмо Баратынского Киреевскому (именно о нем Набоков говорит в «Комментарии»). Согласно Розанову (вслед за Щегловым) отношения Пушкина и Баратынского подобны отношениям Моцарта и Сальери. (Напомним, что сделанный Набоковым перевод «Моцарта и Сальери» был опубликован благодаря помощи Э. Уилсона.)

² См. также другие высказывания в «Комментарии»: Набоков 1998:53, 100,190, 398, 431.

³ В качестве примера отметим доклад О. Ворониной ««Дар тайнослышанья тяжелый»: ««Дар» Набокова и «Тяжелая лира» Ходасевича», прочитанный на международной конференции «В. Набоков и литература русской эмиграции» (С.-Петербург, июль 2005 г.) и работу И. Ронен «Стихи и проза: Ходасевич в творчестве Набокова» (Звезда. 2009. № 4).

⁴ Репрезентативную подборку цитат см. в: Богомолов Н. А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Ходасевича // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 167–181.

о стихах Ходасевича: «как если бы нам подавалась тетрадка еще не известных стихов Баратынского, Тютчева» (Белый 1923: 378).

Однако, наряду с высокой оценкой Ходасевича-поэта и его соположения с Баратынским в этом ключе, в 1920-е гг. в литературной критике русской эмиграции возникает течение, Ходасевичу враждебное⁵. Представители этого течения также активно используют параллель «Ходасевич – Баратынский», но смысл этой параллели принципиально отличен от предложенного Андреем Белым.

Даже в тех случаях, когда критика творчества Ходасевича ведется вне этой параллели, имя Баратынского всё равно возникает. В статье 1925 г. Г. Адамович пишет: «Книги Ходасевича многим нравились. Но к его музе можно было применить слова Баратынского: к ней «относились с похвалой», но с ней «скучали обхождением»» (Адамович 1996:280)⁶. Г. Иванов в нашумевшей статье «В защиту Ходасевича», назвав последнего «прилежным учеником Баратынского», далее писал: ««Ямбами» Ходасевич почти равен Баратынскому. Но ясно все-таки «стотысячеверстное» расстояние между ними. С Баратынским нельзя расстаться, раз «узнав» его. С ним, как с Пушкиным, Тютчевым, узнав его, хочется «жить и умереть». А с Ходасевичем...» (Иванов 1993: 511-512)⁷. И далее Г. Иванов замечает: «Как не вспомнить тут словцо одного «одиозного» критика: «Ходасевич – любимый поэт не любящих поэзии»» (Иванов 1993: 513). «Одиозный» критик – это Д.П. Святополк-Мирский. Приведем его высказывание, помещенное в библиографическом разделе журнала «Версты» (1926. № 1), целиком: «Ходасевич – маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии» (Святополк-Мирский 1926: 208)⁸. Как видим, параллель «Ходасевич – Баратынский»

⁵ О «литературной войне» Ходасевича / Набокова и Адамовича / Г. Иванова см.: Коростелев О., Федякин С. Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927-1937) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С.204-250; Hagglund R. The Adamovic – Hodasevic Polemics // The Slavonic and East European Journal. 1976. Vol. 20. No. 3. P. 239-252; Мельников Н. «До последней капли чернил...» Владимир Набоков и «Числа» // Литературное обозрение. 1996. №2. С.73-82; Давыдов С. Шишки на Адамову голову: о мистификациях Ходасевича и Набокова // Звезда. 2002. № 7. См. также: Коростелев О. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С.3-50.

⁶ Впервые опубликовано: Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 27 июля. № 130. С. 2.

⁷ Впервые опубликовано: Иванов Г. В защиту Ходасевича // Последние новости. 1928. 8 марта. № 2542. С. 3. – Цит. по: Иванов Г. Собрание сочинений в 3-х т. М., 1993. Т.3. С.511-512).

В «Комментарии» к «Евгению Онегину» Набоков пишет о русском четырехстопном ямбе: «Лучше всех среди них владели этой формой в XIX столетии Пушкин и Тютчев, а в XX в. – Блок и Ходасевич. Гений же Лермонтова не смог проявить себя до конца в четырехстопном ямбе даже в знаменитом «Демоне». Баратынский и Языков часто упоминаются наряду с более известными поэтами как мастера четырехстопного стиха, но первый был, безусловно, поэтом второстепенным, а второй и вовсе посредственным» (Набоков 1998:778).

⁸ Ср. в «Современной русской литературе (1881–1925)» («Contemporary Russian literature», 1926) Д.П. Святополк-Мирского: «Собственно, остроумие есть главная черта поэзии Ходасевича, и его

стала оружием в «литературной войне» 1920-1930-х годов в литературе русской эмиграции⁹.

Какова, однако, позиция самого Ходасевича? Считал ли он эту параллель оправданной? В этом смысле чрезвычайно важным текстом можно считать «Жизнь Василия Травникова» (1935-1936), которая завершается следующими словами: «...более других приближаются к Травникову Баратынский и те русские поэты, которых творчество связано с Баратынским. Быть может, те, кого принято считать учениками Баратынского, в действительности учились у Травникова?» (Ходасевич 1991:168). Как отмечает А. Зорин, в «Жизни Василия Травникова» «Ходасевич как бы насмешливо корректировал свою родословную, дополняя ее предком, превзошедшим Баратынского остротой разочарования, поэтом, который «отвергая надежду и утешение в жизни <...> стремился к отказу от всякой украшенности» в стихах» (Зорин 1988:33). Литературная мистификация Ходасевича говорит очень многое о значимости для него поэзии Баратынского. То, что, «[к]ак установил Д.Б. Волчек, по крайней мере, одно из травниковских стихотворений («О сердце, колос пыльный») принадлежало другу юности Ходасевича, поэту Самуилу Викторовичу Киссину, известному в литературных кругах под именем Муни» (Зорин 1988:33-34), фигуре в биографии Ходасевича едва ли не ключевой, свидетельствует о сокровенном смысле традиции Баратынского для Ходасевича. И именно «Жизнь Василия Травникова» Ходасевич читает на единственном в своем роде, совместном с Набоковым литературном вечере в Париже 8 февраля 1936 г. (Бойд 2001:494)¹⁰.

мистические стихи обычно заканчиваются колкой эпиграммой. Эта манера очень действенна – его стихи доходят до самых несклонных к поэзии читателей <...> даже такой не-мистик (и не-поэт) как Горький считает Ходасевича величайшим из ныне живущих русских поэтов. И если судить поэзию по нормам XVIII века, то Горький прав, ибо Ходасевич величайший из живущих мастер поэтического остроумия. Несмотря на его мистические верования, он классицист и стиль его – мастерское воскрешение форм и манер Золотого пушкинского века» (Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2006).

⁹ Отметим позднейшую переоценку Г. Ивановым и творчества Ходасевича, и параллели «Баратынский – Ходасевич» в письме 1956 г. к В.Ф. Маркову: «Он был до (включая, конечно) Путем Зерна Удивительнейшим Явлением, по моему недалеко от Баратынского и потом вдруг свихнулся в «Европейскую ночь» (Уж и само название разит ходулями и само любованьем. Я очень грешен перед Ходасевичем – мы с ним литературно «враждовали». Вы вот никак не могли знать мою статью «В защиту Ходасевича» в «Последних Новостях» - ужасающую статью, когда он был в зените славы, а я его резанул по горлышку. Для меня это была «игра» - только этим увы, всю жизнь и занимался – а для него удар после которого он, собственно уже и не поднялся. Теперь очень об этом жалею. Незадолго до его смерти мы помирились, но я ничего так и не исправил. И вряд ли когданибудь исправлю. Жалею» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955—1958. Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B, Editionen, 6 (21). Köln: Böhlau, 1994. S.19).

¹⁰ Набоков на вечере читал свои рассказы: «Красавица», «Тerra Incognita», «Оповещение».

В силу вышесказанного, закономерно предположить, что наиболее развернутое высказывание Набокова о Ходасевиче – статья-некролог «Ходасевич», впервые опубликованная в журнале «Современные записки», 1939, кн. 69 – будет содержать и набоковский отклик на параллель «Баратынский – Ходасевич».

Однако, как мы помним, в первых же строках статьи Ходасевич аттестуется как «литературный потомок Пушкина по тютчевской линии» (Набоков 2000:587)¹¹. Далее, однако, читаем: «Тут нет у меня намерения кого-либо задеть кадиллом: кое-кто из поэтов здешнего поколения еще в пути и – как знать – дойдет до вершин поэтического искусства, коли не загубит жизни в том второсортном Париже, который плывет с легким креном в зеркалах кабаков, не сливаясь никак с Парижем французским, неподвижным и непроницаемым» (Набоков 2000:588). Р. Тименчиком и Г. Глушанок было справедливо указано, что здесь налицо «аллюзия на строки из стихотворения Е. Баратынского «Когда твой голос, о поэт...» (1843):

... Но сложится певцу
 Канон намеднишним зоилом,
 Уже кадящим мертвецу,
 Чтобы живых задеть кадиллом.» (Набоков 2000:782)

Комментаторы, однако, не раскрывают контекст этой аллюзии, в данном случае – чрезвычайно существенный.

Очевидно, что Набоков, говоря о «второсортном Париже», подразумевает «парижскую русскую литературу» и, в первую очередь, - т.н. «парижскую ноту», общепризнанным вдохновителем которой, вместе с Г. Ивановым, был Г. Адамович, давний недруг Ходасевича и Набокова¹².

¹¹ Ср. у Д.П. Святополк-Мирского: «Тютчев стоит рядом с Пушкиным по своей бесспорности и высокой чистоте своих созданий. Рядом с Пушкиным он стоит и как мастер, «относящийся к слову честно», чуждый приблизительности, наполняющий словесный ряд стиха предельно тесно, не растворяющий его в стремительном водопаде эмоциональной динамики. К этому типу принадлежали, кроме Пушкина и Тютчева, Ломоносов и Баратынский. Им противопоставляются поэты «1/4 золотые, 3/4 свинцовые» – иногда не менее гениальные, часто более динамические, но всегда менее веские – Державин, Лермонтов, Некрасов, Блок» (Святополк-Мирский Д.П. Тютчев (К 125-летию со дня рождения) // Евразия. 1928. 29 сентября. С. 5. – Цит. по: Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи. СПб.: Алетейя, 2002. С.122)

¹² При этом, «следует отметить, что Адамович роль соратника играл не очень исправно и оставался вполне независим от Г. Иванова. Он не считал необходимым безоговорочно разделять все мнения своей литературной группы и мог хладнокровно давать довольно положительные оценки, скажем Набокову, уже после скандальной статьи Г. Иванова в «Числах»» (Коростелев 1994: 205).

«Литературная война» Адамовича & Со. и Ходасевича / Набокова велась не только по вопросам текущей литературы, но и, что важнее, по вопросу о художественной генеалогии¹³. Одним из наиболее значимых в этом споре явилось противопоставление «Пушкин – Лермонтов». «Партия» Адамовича настойчиво выдвигала Лермонтова в качестве «духовного отца» парижской русской литературы (см.: Долинин 1997:704-707)¹⁴. Давая в некрологе Ходасевичу отсылку к стихотворению Баратынского, Набоков, конечно же, знал, что, согласно общепринятому мнению, «Когда твой голос, о поэт» является откликом на смерть Лермонтова и полемически направлено против Белинского (см., напр.: Баратынский 1989:424). Таким образом, аллюзия на стихотворение Баратынского играет важную роль: намекая на «культ Лермонтова» в кругу Адамовича, Набоков одновременно «изымает» и Лермонтова, и Баратынского из монопольного владения группой Адамовича, используя при этом текст Баратынского, с которым Адамович так любил сравнивать Ходасевича не в пользу последнего¹⁵. Это тем более важно, что в среде

¹³ Как пишет О.А. Коростелев, «[у] обоих критиков общих взглядов было больше, чем разногласий, и очень часто их оценки совпадали, различаясь лишь в нюансах, правда, нюансах довольно существенных. Наиболее ярко их сходство выявилось в эмигрантской дискуссии о критике, развернувшейся весной 1928 года <...> Адамович чаще всего совпадал с Ходасевичем в оценках Цветаевой, футуристов, формалистской критики, и по многим другим пунктам, но в вопросах принципиальных каждый твердо стоял на своем <...> Возможность вести спор на высоком уровне с достойным противником обоим явно нравилась, несмотря на многочисленные, обычные в литературной среде ворчанья и жалобы друг на друга в частных письмах и разговорах.» (Коростелев 1994: 205).

¹⁴ Ср. у В.Ф. Маркова: «Лермонтова в свое время в Париже возвели на некий пьедестал и там забыли» (Марков В. О свободе в поэзии: статьи, эссе, разное. СПб., 1994. С.33).

¹⁵ Сопоставление Баратынского и Лермонтова находим в статье В.С. Соловьева «Поэзия гр. А.К. Толстого» (впервые: Вестник Европы. 1895. № 5.С.237-259): «...и Баратынский, и Лермонтов, при весьма значительном, хотя и подорванном рефлексией поэтическом таланте, были не столько мыслителями, сколько резонерами на почве субъективных впечатлений. Но заключение от собственной зубной боли к негодности всего мироздания не оправдывается логикой. Из двух названных поэтов у Баратынского, как ума более развитого и зрелого, разочарование имеет хотя некоторую видимость объективных оснований. Подобно большинству образованных людей нашего века, Баратынский принял материалистические обобщения некоторых научных данных за непреложную истину и, видя противоречие этой «истины» с поэтическим и религиозным воззрением на мир и жизнь, решил, что это воззрение есть иллюзия. Таков, хотя ошибочный, но заслуживающий уважения мотив его тоски – не единственный, но лучший. Лермонтов в свою короткую жизнь не успел додуматься ни до чего подобного, и все его разочарование происходило исключительно из неприятных впечатлений от окружающей действительности, т.е. от светского общества в Петербурге, в Москве и в Пятигорске» (Соловьев 1990:126).

Тем любопытнее слова Г. Адамовича в книге «Комментарии» (Вашингтон, 1967): «Помню, Гумилев, сидя у высоких полок с книгами, говорил:

- Если мне нужен Баратынский, я не поленюсь, возьму лестницу, полезу хоть под самый потолок... А для Лермонтова – нет. Если он под рукой, возьму, но тянуться не стану.

Насчет Баратынского споров нет, он заслуживает того, чтобы взять хоть десять лестниц: учитель, мастер, образец достоинства, правдивости, сдержанности. Но Лермонтов... как бы это объяснить? Лермонтов – это совсем другое. «По небу полуночи ...» - волшебство, захватывает дыхание» (Адамович 1996:195; впервые: Новый журнал. 1964. № 76. С. 120-121).

О значении личности и творчества Гумилева для Набокова см.: Senderovich S., Shvarts Ye. Vladimir Nabokov and Nikolai Gumilev: A Commentary to a Nabokov poem // Творчество диаспоры и «Новый

поэтов «парижской ноты» существовал культ Баратынского» (см.: Ронен 2000: 132). Поэзия Баратынского оказывается тем полем, на котором ведется «литературная война».

Однако, даже спустя много лет после окончания «боевых действий», поэзия Баратынского сохранила свое первенствующее значение для, по крайней мере, одного из основных участников былой литературной полемики. В 1967 г. в конце своей итоговой книги «Комментарии» Адамович, «в виде лучшего к ним [своим заметкам – М.Е.] комментария, в виде ключа к ним и даже оправдания» приводит стихотворение Баратынского «Царь небес! Успокой...» и далее пишет: «Обычно о стихах, которые очень нравятся, говорят: «удивительно», «изумительно». Ничего «изумительного» в этих стихах нет! Но мало найдется во всей русской литературе стихов чище, тверже, драгоценнее, свободнее от поэтического жульничества; это именно возвращение на алтарь того, что человек получил свыше, ясное отражение «образа и подобия» <...> После всего, что пронеслось в памяти перед этим, таким строкам поистине «без волнения внимать невозможно». И хочется сказать: Евгений Абрамович, не первый русский поэт, но в поэзии первый наш учитель,¹⁶ за холод, вас окружавший, за снисходительное, да и то с оговорочками, одобрение пустомели Белинского, дававшего вам понять, что вы – человек отсталый, а он – человек передовой и потому вправе учить вас уму-разуму, за все, куда докатились мы после вас, за «бронзы многопудие», за вашу стойкость, ясновидение и печаль позвольте послать вам поклон, «смирненно преклонить колени», как сказано у другого поэта, «учитель перед именем твоим...»» (Адамович 1996:241)¹⁷. Присутствие в тексте «пустомели Белинского» может, среди прочего, свидетельствовать и о памяти о минувших литературных баталиях 1920-30-х гг., и об устойчивости позиции Адамовича относительно Баратынского¹⁸.

Десятилетия спустя после окончания «парижского периода русской литературы» получила продолжение и история с набоковской статьей о Ходасевиче.

журнал» / Под ред. М. Адамович и В. Крейда. N.Y., 2003. P.131-144; Александров В.Е. Набоков и потусторонность. СПб.: Алетейя, 1999.С.266-270.

¹⁶ Ср. в «Комментарии» Набокова: «... Баратынский в свойственной ему неуклюжей, но дивной манере...» (Набоков 1998:431).

¹⁷ Впервые: Адамович Г. «Невозможность поэзии» // Опыты. 1958. № 9.С. 33-51.

¹⁸ Ср. в статье Адамовича 1925 г. о Баратынском: «Перечтите поздние статьи Белинского и мелких критиков сороковых годов. Это – лепет, притом заносчивый лепет, свысока, наставительный. Это приблизительно то, чем позднее в «Бесах» молодежь забросает старика Верховенского, но старик Верховенский и сам-то был не особенно умен, а что должен был думать «умница» Боратынский? Ему говорили о «паркетности» его стихов, его призывали «следовать за прогрессом». Что мог он ответить?» (Адамович 1998: 178-179).

В 1973 г. появляется английский перевод «О Ходасевиче», сделанный самим Набоковым¹⁹ и позже дважды перепечатанный, в т.ч. в сборнике “Strong Opinions”. В этом переводе, к интересующим нас словам («Тут нет у меня намерения кого-либо задеть кадиллом»), Набоков дает примечание: «Метафора заимствована из стихотворения Баратынского (1800-1844), обвиняющего критиков, восхваляющих Лермонтова (1814-1841) по случаю его смерти лишь для того, чтобы умалить достоинство живых поэтов. Между прочим, маленькая сухая заметка о Баратынском в энциклопедии Павленкова (С.-Петербург, 1913) заканчивается чудесной опечаткой: «Полное собрание сочинений, 1984»» (Nabokov 1990:224 (перевод мой – М.Е.))²⁰. Очевидна важность «заимствованной метафоры» Баратынского, раз Набоков счел необходимым специально пояснить ее в английском переводе принципиально-важной для него статьи (напомним, что во всем сборнике “Strong Opinions” она – единственная, написанная в оригинале по-русски).

След Баратынского / Адамовича в ревизии Набоковым своего «русскоязычного прошлого» европейского периода не исчезает и позже. В 1972 г. умирает Г.Адамович. В 1973 г. выходит сборник английских переводов русских рассказов Набокова “A Russian Beauty and Other Stories” (N.Y., Toronto,1973), в котором помещен перевод рассказа «Уста к устам». В основу рассказа, как известно, был положен реальный эпизод с финансированием в 1930-е гг. сборников «Числа» А. Буровым. Один из основных участников этой истории – Г. Адамович. В оригинальном русском тексте, в письме редактора Галатова к Илье Борисовичу, содержались слова: «Ваш роман волнует своим лица не общим выражением» (Набоков 2000:345). В английском переводе Набоков добавляет: «перефразируя Баратынского, певца финских скал» (пер. О. Сконечной цит. по: Набоков 2000:728-729). Это добавление может быть понято как дополнительный сигнал присутствия в тексте Г. Адамовича – сигнал, заметный лишь читателю, знакомому с литературной историей русской эмиграции²¹. В 1975 г. выходит сборник английских переводов русских рассказов Набокова “Tyrants Destroyed and Other Stories”. В комментарии к

¹⁹ Simon Karlinsky and Alfred Appel, eds. *Triquarterly*, 1973, Spring, 27. – Указано в: Бойд 2001:664.

²⁰ Здесь трудно не уловить обыгрывание Набоковым знаменитой формулы Баратынского «И как нашел я друга в поколенье, // Читателя найду в потомстве я».

²¹ Многообразные отсылки к Г. Адамовичу в текстах Набокова – отдельный и многообразный сюжет. Здесь отметим лишь – хотя и вне интересующего нас контекста – фигуру «Адама Антроповича, «незабвенного лидера» «талантливых, необразованных новых критиков-интуитивистов», — проходного персонажа из последнего набоковского романа “Look at the Harlequins!”» (1974) (отмечено в: Мельников Н. «До последней капли чернил...» Владимир Набоков и «Числа» // Литературное обозрение. 1996. № 2. С.73-82).

переводу рассказа «Василий Шишков» Набоков пишет об Адамовиче: «Горючо желаю всем критикам быть столь же великодушными, как он. Я видел его только дважды, мельком, но по случаю недавней смерти многие старые литераторы не раз отмечали его доброту и пронизательность. В его жизни было лишь две подлинных страсти: русская поэзия и французские матросы» (пер. О. Сконечной цит. по: Набоков 2000:739)²².

Изложенное выше может привести к заключению, что Баратынский был для Набокова лишь предметом и сюжетом литературной полемики. Позволим, однако, высказать предположение, что интерес Набокова к поэзии Баратынского был более глубоким, чем это можно ожидать после вышесказанного. В частности, это касается важнейших для Набокова понятий *воспоминания* и *памяти*, памяти как одной из движущих сил художника. Возможной точкой пересечения Набокова и Баратынского, в таком случае, может явиться название набоковской книги “Speak, Memory”²³. По словам Б. Бойда, «[в]ыбранное им [Набоковым – М.Е.] название взывает к памяти с торжественностью, достойной эпического поэта: «Муза, пропой нам...»» (Бойд 2004:179). По нашему мнению, один из возможных источников названия – начальные строки из «Воспоминания (Отрывки из поэмы)» (1820) Баратынского (курсив внесен):

Посланица небес, бессмертных дар счастливый,
 Подруга тихая печали молчаливой,
О память! ты одна беседуешь со мной,
 Ты возвращаешь мне отъятое судьбой;
 Тобою счастья мгновенья легкокрылы,
 Давно протекшие, в мечтах мне снова милы.
 <...>
 Не раз, волшебною взлелеянный мечтой,

²² Быть может, сочетание «русской поэзии» и «французских матросов» отсылает к знаменитым строкам Баратынского из «Пироскафа» (1844) (курсив внесен): «Много мятежных решил я вопросов, // Прежде чем руки *марсельских матросов* // Подняли якорь, надежды символ!», тем более, что у родственников Адамовича была вилла на Лазурном берегу, где он периодически жил. Эти же строки Адамович взял эпиграфом для своей вступительной статьи к антологии эмигрантской поэзии «Якорь» (см.: Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор / Под ред. Олега Коростелева, Луиджи Магаротто и Андрея Устинова. СПб.: Алетейя, 2005. 416 с. (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»). Отметим также, что «Марсельскими матросами» назывался литературный кружок, в котором Адамович принимал участие еще в Петербурге.

²³ Напомним, что еще до дополненного издания “Putnam” 1967 г. это название получила английская версия автобиографии в лондонском издании “Gollanz” 1951 г. (см.: Набоков 1999:668).

Я в ночь безмолвную *беседовал с тобой*;
И, в дни счастливые на час перенесенный,
Дремал утешенный и с жизнью примиренный.
Так, всем обязан я твоим приветным снам.
Тебя я петь хочу; дай жизнь моим струнам.²⁴

Представляется, что этот образ – «счастливого дара бессмертных», *памяти, беседующей с художником*, возвращающей ему «отъятое судьбой», памяти как источника творчества – слишком важен и специфичен и для Баратынского, и для Набокова²⁵, чтобы речь шла о простом, да еще частичном, совпадении²⁶.

Если наша догадка верна, то Баратынский оказывается не только и не столько поводом для затяжных «литературных войн» и подручным в них аргументом, сколько поэтом, занявшим в творческом сознании Набокова свое особое место.

Автор выражает свою признательность О.А. Коростелеву за ряд ценных замечаний и уточнений по тексту данной заметки.

²⁴ Как известно, Набоков «даже подумывал о том, чтобы прямо обратиться к Мнемозине, богине памяти, матери всех муз» (Бойд 2004:179). По совпадению, именно «Мнемозиной» назывался альманах, в котором в 1825 г. была опубликована «Эда» Баратынского, о которой, впрочем, Набоков отозвался как о «на редкость неуклюж[ей] и банальн[ой] поэм[е]» (Набоков 1998:324). Также след Баратынского, возможно, прослеживается и в стихотворении «Какое сделал я дурное дело...» (1961). По мнению О. Ронена в строке «корректору и веку вопреки» «корректор» отсылает к Тютчеву («Михаилу Петровичу Погодину») (Кац 1999:74). «Век» же остается незаполненным. По нашему предположению, здесь возможна отсылка к стихотворению Баратынского «Богдановичу» (1824) (курсив внесен):

Так, веку вопреки, в сей самый век у нас

Сладко поющих лир порою слышен глас...

²⁵ Отметим, что А. Долинин и Г. Утгоф называют «Воспоминания (Отрывки из поэмы)» и «Запустение» (1834) Баратынского в числе «существенных подтекстов» романа «Подвиг» (Набоков 2000а:731).

²⁶ Не будем, впрочем, забывать и о многозначительных словах из ранней драмы Набокова «Дедушка»:

«Вот странно-то... Бог весть мосты какие

в его мозгу раскидывает мысль...

Быть может... Нет...

(Смеется.)

Я сам порою склонен

к сопоставленьям странным...» (Набоков 2000с: 705).

БИБЛИОГРАФИЯ

Адамович 1996 - Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. М.: Республика, 1996.

Адамович 1998 – Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Книга первая («Звено»: 1923-1926) / Вступит. ст., сост. и прим. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998.

Баратынский 1989 - Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений/ Вступ. ст. И.М. Тойбина; Сост., подг. текста и примеч. В.М. Сергеева. Л.: Советский писатель, 1989. (Б-ка поэта. Большая серия).

Андрей Белый. Тяжелая лира и русская лирика // Современные записки.1923. Кн. 15.С.370-388.

Бойд 2001 - Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум»,2001.

Бойд 2004 - Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум»,2004.

Долинин 1997 - Долинин А. Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар». – В кн.: В.В. Набоков: pro et contra.СПб., 1997.С.697-740.

Зорин 1988 – Зорин А.Л. Начало. – В кн.: Ходасевич В. Державин / Вступит. ст., сост., приложения, комм. А.Л. Зорина.М.: Книга,1988.С.5-36.

Кац 1999 - Кац Б. «Ехеги monumentum» Владимира Набокова: к прочтению стихотворения «Какое сделал я дурное дело...»// Литературное обозрение. 1999. № 4. С.72-77.

Коростелев 1994 – Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927-1937) / Публ. О.А. Коростелева и С.Р. Федякина. Вступ. ст. О.А. Коростелева // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204-250.

Nabokov 1990 - Nabokov V. Strong Opinions. N.Y.: Vintage Books, 1990.

Набоков 1998 - Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»/ Пер. с англ. СПб.: «Искусство – СПб.»; «Набоковский фонд», 1998.

Набоков 1999 - Набоков В.В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах: Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии С. Ильина, А. Люксембурга. СПб.: «Симпозиум», 1999. Т.5.

Набоков 2000 - Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н.Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. Ю. Левинга, А. Долинина, М. Маликовой, О. Сконечной, А. Бабикова, Г. Глушанок. СПб.: «Симпозиум», 2000. Т.5.

Набоков 2000а - Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах/ Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина, Г. Утгофа, А. Яновского, Ю. Левинга, М. Маликовой, Р. Тименчика. СПб.: «Симпозиум», 2000. Т.3.

Набоков 2000б - Набоков В.В. Собрание сочинений в 5 томах: Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии А. Люксембурга. СПб.: «Симпозиум», 1997. Т.2.

Набоков 2000с – Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой. СПб.: «Симпозиум», 2000. Т.1.

Набоков 2002 – Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах/ Сост. Н.Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. СПб.: «Симпозиум», 2002. Т.4.

Розанов 1995 - Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995.

Ронен 2000 - Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 4. М.: О.Г.И., 2000.

Святополк-Мирский 1926 – Кн. Д. Святополк-Мирский. [Рец.] «Современные Записки» (I – XXVI, Париж 1920-1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I-II. Прага) // Версты. № 1 (1926). С.206-210.

Соловьев 1990 - Соловьев В. Литературная критика / Сост. и комм. Н.И. Цимбаева, вступ. ст. Н.И. Цимбаева и В.И. Фатющенко. М.: Современник, 1990. (Б-ка «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

Ходасевич 1991 – Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / Под общ. ред. Н. А. Богомолова. М.: Советский писатель, 1991.

© 2009 М.В. Ефимов

